

Бочарников Иван

Год гражданской войны

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Иван Бочарников

Год гражданской войны

«Автор»

2018

Бочарников И.

Год гражданской войны / И. Бочарников — «Автор», 2018

Наши дни, вроде как стабильность, гласность, кое-что из бытовой техники. Главный герой, подрабатывающий участником массовки на митингах, соглашается поработать за большие деньги на государственном проекте, требующим полной секретности и самоотдачи. Вместе со съемочной группой одного из главных телеканалов страны и продюсером-куратором он отправляется в Сибирь, где (оказывается!) идет гражданская война, которую власти старательно скрывают от всей остальной страны, чтобы не вызвать массовых протестов и революции любого цвета. Журналисты должны снимать самые обычные новости, словно ничего не происходит, а главный герой изображать добросовестного чиновника, но ситуация (как это часто бывает на войне) быстро выходит из-под контроля, если вообще когда-то там была. Содержит нецензурную брань.

© Бочарников И., 2018

© Автор, 2018

Иван Бочарников

Год гражданской войны

Глава 1: Дзержинск

Сегодня мне 30 лет, у меня двое детей, и живу я в Дзержинске Нижегородской области. Я еду на электричке из Нижнего Новгорода, чтобы принять участие в митинге, который образовался вокруг сноса здания старого детского сада для строительства часовни. Рядом со мной сидит мужчина в старом костюме советской эпохи, в очках с толстой оправой и с потёртым коричневым портфелем на коленях. Спустя пару станций, он достаёт из портфеля журнал и начинает его листать. Буквально против своей воли я смотрю на название журнала.

– Что это за журнал такой у вас?

– А, это мой журнал. Я его издатель.

– Да, вы редактор?

– И редактор тоже, и издатель.

– А что это за журнал?

– Этот журнал называется «Охота на цыган». Это исключительно юмористический, фантазийный журнал об охоте на цыган. Вот, посмотрите.

Он даёт мне полистать журнал, который отпечатан в цвете на недорогой бумаге. В нём примерно 20 страниц, включая рекламу.

– Материалы туда присылают сами читатели, это как форум, только на бумаге. Они в воображаемой форме делятся своими наблюдениями о том, как лучше охотится на цыган. Обсуждают, где они водятся, как их приманить, какие виды цыган есть, обсуждают оружие, капканы, снаряжение, спорят о методах и снастях.

– И хорошо продается?

– Чисто по подписке, тираж две тысячи экземпляров.

– Круто, а вы из Нижнего?

– Да, я еду в типографию. Хочу издавать второй журнал.

– Дайте угадаю, «Охота на хохлов»?

– Нет, ответил он и через секунду засмеялся. – Вот вы знаете, есть журналы об интимной жизни. Так? Я сам их не читаю, но у меня жена увлекается. Там всякие материалы вроде «10 способов эффективной контрацепции», «Как узнать, что парень тебе изменяет», «Секс на пляже как повод для знакомства». И там все эти статьи... как бы это сказать... они не подкреплены никакими исследованиями. Я вот почитал, но мне не интересно. То есть там многие статьи сделаны по личному опыту журналистов, читателей, да просто из интернета понатащано. Понятно, что личный опыт не может вместить все вопросы интимной сферы – не каждый журналист участвовал в оргиях и не каждый будет про это писать, поэтому там многое берётся из других источников. Но я бы хотел выпускать журнал, который рассказывал бы об интимной жизни профессионально. Что-то типа «Prof-Интим» с ударением на «проф». Ведь исследованиями сексуальности ученые и психологи занимаются давно, уже более полувека, так что материала много. И вот все эти статьи – «Как долго не кончать», «5 лучший поз для тех, кому за 40» и так далее – будут сопровождаться, как курсовые у студентов, сносками на исследования профессоров со всего мира. Такая звездочка, а внизу – ссылка.

– Любопытно. А туда тоже читатели будут писать?

– Ну там будет рубрика от читателей, но здесь уже придется работать с журналистами. Мы выходим на конечной станции и расходимся в разные стороны.

Теперь в сумке у меня лежит свежий номер «Охоты на цыган», чтобы было чем заняться на обратном пути.

Я стал работать в массовке пару лет назад, когда лишился работы в аэропорту. Я пришел в службу занятости населения и получил несколько предложений, сменил несколько работ, но никак не мог найти что-то мне подходящее. Однажды, мой консультант – Ирина Сергеевна – узнала от меня, что я брал уроки актёрского мастерства в студенческие годы. Мы с ней за время моих посещений много общались и пили чай. Я заметил, что люди меньшего или даже среднего звена всегда более открыты и осведомлены. Да, они же наиболее угнетаемые, но это уже другой вопрос. Скажу только, что после работы на государство она ушла в частный сектор.

Как-то раз Ирина Сергеевна позвала меня на патриотический митинг против другого митинга, который прошел в другой стране год назад. Это было странное приглашение. И при чем тут мои актёрские курсы? Короче, им не хватало людей, а платили прилично – пятьсот рублей за два часа. Я согласился.

Помню тогда как вышел из метро на Горького и присоединился к толпе. В едином порыве мы пошли по Покровке. Мне дали плакат с надписью. Там было что-то про оранжевые революции. Я прошелся с ним по всей улице, затем постоял на площади, пообщался с такими же как я «наемными» людьми, а также с «идейными» – теми, кто пришел сюда сам по своему желанию. У них у всех были георгиевские ленточки: на груди, в виде флажка, в волосах, на руках – короче, везде. Всё это было как во сне, очень торжественно, громко и масштабно. В конце «смены», у входа в метро я получил свои деньги, которые мы официально называли «компенсацией проезда». Так я и втянулся.

Сегодняшний митинг в Дзержинске, кажется, уже в самом разгаре. Он организован перед синим строительным забором. Собралось человек тридцать, есть палатка для сбора подписей. Сегодня у меня задание – дать интервью местному телеканалу на фоне старого здания детского сада. Меня подводят к журналистке лет двадцати пяти, кудрявой и не слишком заинтересованной в нашем общем деле.

Тут главное не перестараться, напоминаю я себе, а то может занести. У меня такое было: отвечая на вопрос о патриотическом воспитании, я как-то увлекся и стал нести такую чушь, что на меня косо смотрели даже свои. Слава богу, это видео нигде не засветилось. Кого за все это время я только не играл, зато опыта набрался!

– Я живу в этом районе, гуляю тут с детьми. Этот садик уже давно заброшен, тут сплошные наркоманы обитают, да слоняется кто-то. Уж лучше пусть будет часовня, как по мне. А детский сад администрация обещала построить, так что я бы так сильно не переживал.

Отчитал я отлично. На всякий случай даже придумал имена и биографии своим детям: мальчику Максиму 6, девочке Лиде 4 года. Жена – Люда, воспитатель. Я – Дмитрий, рабочий. Они, конечно, негодились, но так уж я работаю. Журналистка с георгиевской ленточкой на микрофоне сворачивает деятельность, пока оператор занят крупными планами сбора подписей.

И тут в числе прохожих я увидел свою бывшую одноклассницу. И как это всегда бывает при встрече с бывшими одноклассницами, она шла с ребенком. Мы встретились с ней взглядами, и она меня даже узнала. Мы стояли возле забора.

– А ты чего не подписываешь? – спросил я.

– Я как-то против этого всего. Нам тут и часовня не нужна, опять тут всякие нищие шататься будут. Лучше бы скамейки поставили, да парк сделали. Вот я бы подписалась, а то гулять негде.

Я сел на обратную электричку, прикупив в ларьке сосиску в тесте, и по-настоящему задумался над вопросом моей одноклассницы Марины, который она задала мне полчаса назад – «как у тебя дела?». Я тогда ей сразу ответил, что нормально, но правда ли это? Я не нашел быстрого ответа на этот вопрос, поэтому доел сосиску, достал из сумки журнал и открыл его на статье некоего Олега из Череповца, который описывал и иллюстрировал в фотографиях приемы восточных единоборств, наиболее эффективных при внезапной встрече с цыганами.

Глава 2: Челябинск

Я помню время, когда мне было 32, я был из Екатеринбурга и приехал на форум в поддержку материнства и детства в Челябинске поздним рейсом Нижний Новгород – Москва – Челябинск. Я как раз тогда купил себе мой первый и единственный пиджак, который мне потом много раз пригодился. В актовом зале, находясь под яркими огромными люстрами, я ощутил себя важным, но в то же время очень маленьким. После пленарного заседания и круглого стола на тему запрета аборт, мы отправились на кофе-брейк.

Надо ли говорить, как я люблю перерывы на кофе во время официальных мероприятий!? Моя б воля, так официальные мероприятия проводились бы только ради перерывов на кофе. Есть в этом что-то одухотворенное: пойти вместе со всеми в общем потоке к столу с термопотами, взять пластиковый стаканчик, насыпать туда растворимый кофе и залить его кипятком. И обязательно добавить пару кусочков сахара! Говорят, что в аду есть специальное место для тех, кто пьёт кофе без сахара. Мне там оказаться не светит. Потом можно взять пирожок или печенье, в зависимости от того, что дают, и завязать с кем-нибудь разговор.

– Возьмите на тарелку, – подсказывает мне низкорослый лысый мужчина в сером костюме. – Так удобнее. И вон там бутерброд передайте.

Я передаю ему маленький бутерброд с колбасой. Он представляется.

– Борис Иванович, полковник в отставке. Из Москвы.

– Петр, Екатеринбург. А вы здесь сами по себе или от кого-то?

– Я как бы помогаю организаторам в части патриотического воспитания молодежи, – рассказывает он и причмокивает. – У нас небольшой клуб для детей и юношества. Мы там учимся метать ножи, ставить палатки, капканы, копать окопы. А вы чем занимаетесь?

– Вот сейчас выступаем за введение в детских садах курсов ведения домашнего хозяйства для девочек. Чтобы смолоду приучать их к русской кухне и традициям.

– Доброе дело, доброе.

Я не выдерживаю и беру ещё одну булочку с маком. С одной стороны, мне уже хватит, а с другой – день предстоит долгий. Впереди меня ждет небольшое интервью для местного телеканала, на федеральных я стараюсь не светиться, чтобы не примелькаться. А то одна актриса из провинциального театра так спалилась, когда играла слишком много ролей на разных мероприятиях и лезла в федеральный эфир, что теперь с ней никто не работает.

Когда ко мне подходят телевизионщики, я вежливо предлагаю им записать ещё и полковника. Он расплывается в благодарной улыбке и всегда готов поговорить. Корреспондент не против – ему чем больше, тем лучше.

– Мы занимаемся патриотическим воспитанием, – гордо начинает полковник. – Наша задача – приучить ребят к пистолету, к ножу, к гранате с малых лет. Чтобы они в будущем могли повторить подвиг панфиловцев, чтобы встали на защиту отечества.

Корреспондент молча кивает и терпит минут пять, пока разговор не заходит о том, был ли подвиг панфиловцев в действительности (по версии полковника – абсолютно), а затем говорит полковнику «Спасибо» и поворачивается ко мне.

Здесь конечно полковника занесло, не спорю. Я отчитываю свою роль неплохо, хотя бывало и лучше. Надо было готовиться серьезнее, говорю я себе, когда сижу на очередном круглом столе и думаю о своем. Наверное, полковник меня с ритма сбил. Или бутерброды.

Во время «круглого стола» лысеватый мужчина с усами зачитывает обращение к участникам съезда от имени своего руководителя. Там много слов о детстве. «Детство – это самая чудесная пора», – заявляет он с ходу. Затем цитирует нескольких церковных деятелей, которые высказывались на тему воспитания детей и заканчивает своё выступление оригинальной

мыслью о том, что дети – это цветы жизни, а взрослые – это деревья. Они могут расти, только если деревья не бросают на них тень. Поэтому если мы хотим воспитать здоровое молодое поколение, мы должны нести им свет. И тогда они вырастут больше нас.

В зале звучат аплодисменты. Операторы телеканалов снимают только первые ряды. На обратном пути выясняется, что меня не берут в такси. Мест нет, потому что надо срочно забрать кого-то по дороге в аэропорт. Видимо, этот кто-то важнее меня. Ладно, говорю я, хотя и немного обижаюсь. В последнее время мне кажется, что все важнее меня. Я решаю доехать до аэропорта самостоятельно. Я выясняю у местных, как с пересадкой доехать до аэропорта. Минут двадцать я еду на одном автобусе, а когда выхожу из него, то понимаю, что уехал за город вообще, и аэропортом тут не пахнет. Мне снова объясняют, как добраться до аэропорта, но сделать это оттуда, где я сейчас нахожусь – а вокруг меня только какие-то рельсы и ветхий сельский магазин – проблематично, лучше брать такси.

В итоге я вызываю такси, плачу за него сам и прибываю в аэропорт вовремя. В зале ожидания уже сидят мои коллеги, которые смотрят на меня, как на незнакомца. Да, форум завершился, мы снова друг другу чужие люди. Тем более, что большинство из них из Москвы.

Глава 3: Москва

В какой-то момент я решил перебраться в Москву, потому что там больше мероприятий. Да там каждые выходные что-то происходит! Кажется, что за месяц там происходит больше всего, что у нас за год.

Первые недели в столице прошли незаметно. Я нашёл работу в информационном центре, который располагался в небольшом старом доме под эстакадой, поселился в здании бывшей гостиницы, а ныне общежития возле станции метро Орехово. До работы было всего три остановки. Я жил в небольшой комнате. С порога можно было попасть в маленький туалет. Когда я сидел на унитазе, мои колени упирались в дверь, поэтому через некоторое время я просто перестал ее закрывать, ведь я все равно живу здесь один.

Пройдя два шага вперед, я попадал в комнату, где была одноместная кровать, небольшая тумбочка, маленький стол и небольшой шкаф. Больше в комнату ничего не помещалось, зато вид из окна был на парк. Удивительно, как много в Москве мест, где можно гулять, даже если ты живешь не в центре. Всегда найдется какая-нибудь улочка или аллея, по которой ты ещё не ходил. Этим, конечно, город не мог не восхищать.

Рядом со мной жила женщина из Воронежа по имени Светлана. Она переехала сюда, чтобы быть поближе к сыну, который поступил в МГИМО. Когда мальчик сказал родителям, что хочет учиться в Москве, те схватились за голову, но все же нашли деньги на обучение. Также он упрямил родителей купить ему недорогую машину, чтобы передвигаться по городу. На данном этапе родители уже не спорили, а просто соглашались. Вот только через месяц парень врезался на своей «девятке» в Лексус. Ребята в Лексусе сидели опытные, так что сын быстро влетел на деньги, которых у его родителей не было. В итоге им пришлось продать квартиру матери мужа, чтобы выплатить долги. Бабушку перевезли к себе, а Светлана перебралась в Москву, чтобы быть поближе к сыну. Здесь же она нашла две работы и теперь старается думать о хорошем.

Я же устроился, как уже говорил, в информационный центр. В основном там работала молодежь. На собеседовании меня спрашивали про политические предпочтения. Я честно ответил на все вопросы, рассказав даже о том, что однажды на каком-то собрании я пожимал руку лидеру коммунистической партии, за что на новой работе я получил кличку «Коммунист».

У каждого из нас был рабочий стол с компьютером, а также десяток аккаунтов в социальных сетях и блогах. Поначалу я занимался тем, что комментировал записи старших товари-

щей, а иногда комментировал свои же комментарии с другого профиля. Работа была несложная, но увлекательная, а местами даже творческая. Например, однажды я целый день убеждал нескольких человек с какого-то форума, что плохие дороги – это нормально, потому что водители на них ведут себя осторожнее, чтобы не попасть в ямы, поэтому там меньше аварий.

Тем не менее, в какую-то пятницу ко мне подошел мой начальник – молодой такой парень по имени Артем – и предложил подработку. Он рассказал, что в работе пригодятся мои актёрские навыки.

Задача была непростая – напротив одной гостиницы есть кафе, в котором завтракает иностранец. Нужно было придумать предлог и подсесть к нему за столик. Затем к нам подошла бы моя девушка, посидела бы с нами минуту, а затем мы с ней вместе ушли бы. Вот и все. Я согласился, мне обещали полторы тысячи рублей.

В назначенный день я действительно увидел этого иностранца и спросил его, откуда он приехал, когда мы стояли в очереди за едой. Он, с явным акцентом, ответил, что из Великобритании. Я завязал непринужденную беседу на смеси русского с британским, а он был вежлив и не отказал мне в просьбе сесть напротив него за столик. Затем к нам подошла актриса, которая изображала мою девушку – это была невысокая худая блондинка с пирсингом в носу и мешковатой одежде. Она посидела рядом со мной буквально минуту, а затем сказала, что нам надо идти. Мы ушли.

На следующий день я обнаружил во всем нашем интернете статью о том, что британский журналист приехал в Москву вербовать скинхедов для подрывной деятельности. Все бы ничего, но на фотографии к этому материалу был я, моя девушка и тот иностранец. Как мне и обещали, мое лицо затерли, на глаза поставили черную полосу, зато лица девушки и британца были четко видны. Этот материал мои коллеги раскручивали по просмотрам и репостам весь день, пока он не дошел до федеральных каналов.

Оказалось, что «моя девушка» – это известная московская последовательница нацистской идеологии, многим знакомая по прозвищу Лена СС или Лена SSex. Ее страницы в социальных сетях увешаны фотографиями фашистской свастики, ее фотографиями со вскинутой вверх рукой и другими подобными вещами. А иностранец оказался британским журналистом, пишущем о коррупции в российской армии.

После публикации данной статьи я несколько дней не мог спать. Мне казалось, что за мной следят. Меня использовали. Эта паранойя не давала мне спокойно работать, поэтому я всё бросил и через неделю уехал обратно в Нижний. Британец слушал нападки на себя и угрозы меньше недели, после чего вернулся домой в Англию. На самом деле, душевное спокойствие – это очень важно.

Глава 4: Сон

Я помню, как столкнулся с одной женщиной на каком-то круглом столе. Она была очень худенькая и суетная. Все время кого-то искала своими глазками-бусинками. У нее были светлые, крашенные волосы и тонкие длинные пальцы. Она таскала за собой какой-то пакет, из которого торчала какая-то тряпка. Мы с ней столкнулись в коридоре.

– Вы кого-то ищете? – спросил я.

– Мне нужен организатор, – издали начала она. – Мне нужно передать ему наше предложение и официальные требования.

– Да, какие? Вы кого-то представляете? – спросил я и решил, что на террориста она не похожа.

– Я представляю Союз Матерей за Жизнь и Против Абортов. Мы выступаем против демографии, против убиения детей. А вы знаете организаторов?

– Я знаю только Наталью, она где-то тут была.

– У меня есть официальное письмо от нашей организации. Мы хотим, чтобы губернатор больше внимания уделял проблемам жизни невинно-убиенных младенцев. Поэтому я принесла специально для него наш флаг.

Она развернула ту синюю тряпку, которую носила в сумке. Это действительно оказался флаг с изображением зародыша в желтом круге.

– Мы официально просим губернатора брать этот флаг с собой на официальные мероприятия. Чтобы был флаг России, флаг Региона и наш флаг, потому что мы за будущее России.

Это было ещё не страшно. Страшно мне стало, когда я узнал, что она пытается этого добиться уже пять лет. Она навязчиво преследует губернаторов, министров и мэров, чтобы они брали этот флаг. Её навязчивое поведение напомнило мне меня. Мне начало казаться, что я так же, как и она, ношусь с невыполнимым или заранее неудачным планом. Чего я достиг в жизни? Ничего. Но я не могу отказаться от идеи, которую когда-то считал хорошей. Это как не спрыгнуть вовремя с взлетающего воздушного шара. Ты либо спрыгиваешь недалеко от земли, либо уже летишь. Потом будет больше падать, но иногда это необходимо.

Несколько ночей подряд я плохо спал. Я тратил уйму времени, чтобы просто уснуть, а затем просыпался в туалет и снова не мог уснуть. А когда мне все удавалось заснуть, мне снились странные сны.

Однажды, Ирина Сергеевна предложила мне пройти психологический тест. Я в это время был чем-то занят, я работал за столом в каком-то офисе, и ответил на тест почти не глядя. Затем, когда стали известны результаты, она подошла ко мне из-за спины и положила на мой стол листок. Я снял наушники, потому что слушал музыку, и впервые обратил внимание на то, что там написал.

В тесте было пять предложений. В каждом предложении было пропущено слово, которое нужно было вставить на свое усмотрение. По этому слову выносился результат. Всех пяти предложений я не помню, но помню два – это как раз те предложения, в которых я как бы допустил ошибки. По версии теста, разумеется.

В первом предложении, в котором я допустил ошибку (по счету оно было вторым), вместо пустого места я написал «человеческая». Это определение шло перед словами «жизнь бесценна». Я написал «человеческая», и по версии теста был неправ. Не только человеческая жизнь бесценна, но и любая жизнь бесценна. Тест упрекнул меня за такую узколобость.

Другое предложение, в котором я допустил ошибку, предлагало ситуацию. На переходе загорелся зелёный свет, и все должны были перейти дорогу. Вопрос был в следующем: «Когда дорогу должен перейти полицейский?» (на картинке в числе прочих была женщина в форме). Я написал «последним». По тесту это означало, что я ставлю всех государственных служащих – полицию, чиновников, врачей и т. д. – ниже себя как гражданина. Я воспринимаю их как обслуживающий персонал, особенно чиновников и полицию. Их работа – служить людям, а значит и мне. Я воспринимаю их как слуг общества. Но ситуация в тесте показала мою неправоту. Не потому, что они не слуги, а потому что загорелся зелёный свет, а значит они могли перейти дорогу так же, как все остальные. Я же допустил мысль, что полицейский должен был пройти последним, хотя свет горел для всех одинаково. Кажется, я был к ним слишком строг. Опять же, по версии теста.

Затем сон продолжился другой картиной. Я был ребенком, которого другой ребенок позвал к себе в комнату. Неожиданно свет потускнел, словно наступила ночь. Мы сели на пол около высокого шкафа, словно мы были внутри него. Свет падал на моего товарища сверху вниз, создавая пугающие тени под глазами и ртом.

Мы с товарищем жили в мире, где обитали люди-жуки. Это всё оставалось за кадром, так сказать, во сне же были только я и мой друг, но ситуация в мире была такая. Эти люди-жуки осуждались обществом, которое их побаивалось. Не каждый мог найти в себе смелость, чтобы взять, отбросить прежнюю оболочку и взлететь в воздух на глазах у других.

Мой друг признался мне там, в этой тихой комнате, где кроме нас двоих больше никого не было, что он хочет взлететь. Он сказал мне, что он жук. В этот момент я посмотрел на его лицо и оно потеряло человеческий облик. На меня из темноты смотрели большие жучиные зеленые глаза, а рот расплылся. Я испугался лишь на секунду, но затем успокоился. Я понял, что эти глаза смотрят на меня не со злобой, а с надеждой и мечтой. Они добры ко мне и хотят от меня понимания, потому что я тоже ребенок.

А затем он посмотрел на потолок, словно там было бескрайнее, зовущее его небо, и сказал, что однажды он полетит. Полетит так, как рождён летать.

Глава 5: Как бы Томск

После очередного приступа самобичевания, моя жизнь снова пошла по накатанной. Правда, осадок все же остался, потому что в последнее время таких приступов становилось всё больше.

В середине марта мне позвонил мой старый приятель, с которым мы когда-то работали и спросил: «Ты ведь актёр?». Я так устал, что даже не поинтересовался, что ему надо или каким образом он обо мне вспомнил. Мне было всё равно. «Да», – ответил я. Он позвал меня на съемку и велел одеться попроще.

– Это как?

– Хотя бы без шляпы.

Мы встретились на окраине города, у каких-то гаражей. Моего приятеля звали Юра, а его оператора Костя. Они показали мне место съемки – какая-то деревянная постройка. Пока они готовились, я учил сценарий. По сюжету мы были в Томске, я был фермером, который взял кредит под выгодный процент, получил от государства субсидию и землю, и теперь у меня и моей жены успешная маленькая ферма с коровами и свинками.

– Почему мы снимаем Томск в Нижнем? – спросил я.

Да я просто заказ получил из Москвы. Они там целое информационное агентство новое под этот проект открыли. Я и новости пишу тоже, мне присылают релизы, а я переписываю. Вот теперь видео снимаем. Остальное они доснимут, там кадры с коровами, все такое.

Я встал на отметку и отчитал то, что для меня написали. Я получил за работу пятьсот рублей и поехал домой. На обратном пути я так хорошо сел в маршрутке, что мне не хотелось вставать. Каждый раз когда автобус делал крутой поворот, и мое тело невольно накрывало волной, я представлял себя собакой, которая хочет высунуться в окно, чтобы почувствовать ветер на лице.

Но перед своей остановкой мне все же пришлось подняться. Мне впервые захотелось сказать человеку, который сел на мое место: «Позаботьтесь о нём. Мы были очень близки. Надеюсь, вам вместе будет хорошо».

Дома я открыл сайт этого самого информационного агентства и стал искать там статьи и новости, но архив дальше двух недель не открывался. Это было нормально для нового проекта, но вот только это была московская контора, которая писала новости Томска и всего федерального округа.

Однажды в какой-то столовой ко мне со спины подошел пожилой мужчина. Он стоял и смотрел, как я ем, а затем спросил:

– Какой суп дают?

– Грибной, – ответил я и сразу же продолжил есть, чтобы меня не беспокоили.

– Вкусный?

– Да, хороший суп.

Он ещё немного постоял за моей спиной, видимо, ожидая, что я предложу ему суп или что-то ещё.

– Сильно горячий? – спросил он.

– Нет, нормальный.

Я даже толком не смотрел на него, чтобы завершить нашу неловкую беседу как можно скорей, но чувствовал на себе его взгляд. Он был в серой куртке и теребил в руках кепку.

– А на второе что? Макароны?

– Да, с подливой.

После этого он ещё немного постоял и ушел. Мне было неловко, потому что интуитивно я догадывался, что ему что-то от меня надо, но у меня не было настроения с ним общаться или вникать в его проблемы. Я быстро доел суп и макароны, периодически оглядываясь по сторонам, не смотрит ли он на меня.

А ещё я начал несознательно лгать без всякой на то причины. Иногда я включаю «роль» даже тогда, когда в этом нет необходимости. Например, недавно я ехал в автобусе на заднем ряду, где четыре места. И рядом со мной сел мужчина постарше меня, который очень хотел поговорить. У него было такое настроение. Он поговорил бы с кем угодно, кто встанет у него на пути, а тут попался я. Он был в хорошем расположении духа, но почему-то был удивлен количеству машин на дорогах. Он сказал, что они как будто все повывезали сегодня из гаражей. Я зачем-то сказал ему, что мой отец водитель фуры и сейчас в дороге, чтобы успеть к майским праздникам. Я не знаю, зачем я это сказал, так само получилось.

Чтобы не сидеть без работы, я снова позвонил Юре.

– Слушай, сейчас ничего предложить не могу, я улетаю сегодня в ночь.

– Куда?

– В Томск, представь себе. Спецбортом МЧС! Прикинь!

Я не стал спрашивать, зачем он туда летит, это было очевидно – по работе. Видимо, снимать Томск в Нижнем Новгороде все же было не очень хорошей идеей, и его командируют в Сибирь. Хотя почему бы не найти там режиссёра на местном телеканале? Загадка. Но я никогда не разбирался в логике властей, у них свои порядки, а денег они никогда не экономят, это уж точно. Однажды я в качестве массовки присутствовал на телемосте, на который организаторы из РЖД потратили 5 миллионов рублей, а старший оператор мне сказал, что этих денег никто не видел, потому что все организовано за 500 тысяч.

Юра сказал, что вернется через месяц и дал мне телефон некоего Матвея, который может подкинуть мне работу.

– Слушай, а можно мне видео с нашим сюжетом в хорошем качестве? А то на сайте все в пикселях, – я давно веду архив сюжетов со своим участием, разделяя его по месяцам и поводам. Обычно я просто скачиваю сюжет с доступных сервисов или сайтов телекомпаний, но на сайте этого информационного агентства сюжет был в плохом качестве, возможно, чтобы никто не узнал, что это не Томск.

– Ой, брат, тут не получился. У нас все материалы сразу в архив уходят, и мы их не распространяем, политика такая. Можно, конечно, запрос написать, но я не уверен.

– Хорошо, какой есть.

– Ладно, я уже вещи собрал, выезжаю на рейс, велели не опаздывать. Там ещё артисты какие-то едут, хер поймешь. Может, у них концерт для местного МЧС, не знаю. Я побежал.

Мы попрощались. Я решил, что позвоню этому Матвею завтра, потому что сейчас уже поздно, да и не готов я к разговорам о работе.

Глава 6: Война

Сегодня мне примерно 25, может быть, чуть меньше. Я – обычный деревенский парень, которого настигло беспощадное жерло Великой Отечественной войны. У меня даже нет имени. Согласно вводной, а я не читал весь сценарий, мою семью – жену, пятерых детей и родителей –

изнасиловали бандеровцы, которые работают на Вермахт, кажется. Затем они их убили, снова надругались над телами и сожгли заживо (не уверен, что в такой последовательности). То же самое проделали и со скотиной, только потом ещё и съели. Одному мальчику из села они даже переломали ноги и руки и прибили к избе в виде свастики.

У моих друзей-партизан в семье такая же ситуация. Мы – массовка. Играем роль ушедших в лес крестьян, которые борются с карательными отрядами с Украины. Помощник режиссёра нового отечественного блокбастера «Родина помнит» объясняет мне и моим товарищам, куда бежать, когда прозвучит команда «мотор!», как двигаться, что делать.

Я мог бы быть сейчас в другом месте. Матвей предложил мне поработать на выборах «наблюдателем». Я сначала его не понял, а потом понял – мне и ещё паре парней нужно было приезжать на места встречи оппозиционеров с избирателями и устраивать провокации. Платили тысячу на нос, но я отказался, памятуя историю с англичанином. Странно, что в Москве мне предлагали только такую работу. Впору задуматься.

Тогда Матвей сказал, что его друг-продюсер снимает фильм в Подмосковье. У режиссёра там свой дом, поэтому они решили далеко не уезжать. Замечу, что слово «дом» было преуменьшением. Это была настоящая вилла или даже усадьба с домом привратника и несколькими хозяйственными постройками, а также причалом у озера, конюшней и двумя бассейнами. Хороший, видимо, режиссёр.

Я как-то работал на выборах. Мы с напарником Юрой стояли возле Канавинского рынка, раздавая листовки одной из партий. На нас были специальные жилеты, а контингент был в основном пенсионерский. Потом к нам на джипе подъехал Леонид Борисович, который устраивал нас на работу, и сказал, что вечером надо будет походить по городу, срывать плакаты других партий и кандидатов. В тот вечер мы шли вдоль дороги и сдирали плакаты, как вдруг к нам подрулила целая бригада конкурентов. Дело закончилось небольшой потасовкой, но всё могло быть хуже. С тех пор я не люблю выборы, а при виде агитационных плакатов меня передергивает.

Когда старшина крикнул «За Родину! За Сталина!», мы с ребятами ринулись в атаку и перебили бандеровцев. Насиловать их трупы мы не стали, но за близких отомстили. Правда потом я узнал, что по сюжету нас всех сослали в лагеря и расстреляли, но это уже детали. В фильме этих сцен не будет, они как бы за кадром произошли. Родина помнит.

Знал бы я тогда, что через пару недель я окажусь на реальной войне, попросил бы товарищей выстрелить мне в ногу. Мне вдруг вспомнилось моё первое задержание. Я тогда работал в «бригаде свинчивания» – мы с товарищами помогали демонтировать ненужные конструкции или устанавливали нужные. Самый дикий случай у нас был, когда после выборов нас вызвали свинтить фонарь на детской площадке.

Дело было так: перед выборами один депутат установил на детской площадке красивый фонарь в ретро-стиле с несколькими лампами. Открывали фонарь тоже красиво – с журналистами, с местными мамашками, которые были рады новому освещению, потому что теперь здесь будет лучше гулять. А вот после выборов выяснилось, что разрешения на установку фонаря нет, а свет к нему подведен и вовсе незаконно. Чтобы убрать фонарь, вызвали меня и ещё двух парней.

Это было ужасно. Когда мы подъехали и начали убирать фонарь, на нас напали те самые мамашки, проклинали нас, чуть до рукоприкладства не дошло. Одна даже снимала нас на телефон, так что мне пришлось закрываться от нее руками. Теперь там нет фонаря, а я до сих пор вспоминаю этих несчастных женщин, которых обмануло государство. Я даже толком не помню, выбрали того депутата или нет.

А в «бригаде свинчивания» я оказался после того, как открыл свое дело – я предлагал компаниями портить рекламные щиты конкурентов. Но моей главной услугой была работа с вращающимися щитами. Знаете, на них обычно по три постера на специальных «жалюзи».

Так вот я ходил по очереди в каждую из трех компаний, предлагая им услугу вывода из строя рекламного щита когда именно их реклама будет лицом. Работа была непостоянная, но кое-что мне перепадало. Вот тогда же меня и арестовали за порчу имущества. Разумеется, я никого не выдал. Мне впаляли... распитие спиртных напитков в неположенном месте. Выяснилось, что у полиции в этом месяце был недобор по пьяным (да, бывает и такое). Так что мы договорились – я подписываюсь под тем, что пил в неположенном месте, а они не обращают внимания на какой-то там щит, тем более, что им на него было положить с прибором.

Примерно тогда же я познакомился с Вагитом. Он ходил в начищенном черном костюме, при галстуке, в хороших туфлях. Я тогда ещё подумал, что он, видимо, кто-то важный. Оказалось, что нет. Так часто бывает.

Вагит занимался различной деятельностью. Время от времени он посещал спецприемники для мигрантов, которых должны были выслать на родину, но содержали по несколько месяцев, потому что уже потратили бюджетные деньги, выделенные на билеты, на дачи чиновников. Вагит заявлялся представителем какой-нибудь диаспоры (со своей «горной» внешностью он мог сойти за члена 4–5 различных диаспор), затем договаривался с мигрантами, чтобы они звонили на родину, просили семьи перевести Вагиту деньги на билеты, а он бы им их купил и все устроил. Разумеется, затем Вагит пропадал.

А встретились мы с ним в милиции. Нет, его не арестовали, меня тоже. Мы заполняли с ним жалобы на действия сотрудников полиции в Европейский Совет по правам человека. Делали мы это, разумеется, под присмотром и под диктовку сотрудников полиции. Таким образом мы заваливали совет липовыми бумажками, каждую из которых они обязаны были рассмотреть, убивая время, которое могли потратить на реальные жалобы на пытки. За каждое обращение мы получали двести рублей. Я, например, изображал жителя Твери, который приехал в Нижний Новгород на заработки, но подвергся нападению со стороны неизвестных мне ментов. Вагит же разыгрывал национальную карту. Такие бумажки мы писали раз в квартал пока организацию, помогавшую жертвам ментовских пыток не прикрыли. Тогда уже наши услуги не понадобились.

Глава 7: Томск

В самолете до Томска я вспомнил, что однажды был на лекции человека, который утверждал, что Нижний Новгород – это центр мира. А точнее – «колыбель жизни». Дело было в библиотеке, где собрались, в основном, пожилые люди. Многие из них держали в руках книги лектора или других похожих писателей, а их оказалось довольно много. Они были плохого качества издания – простая черная обложка с желтыми тонкими страницами внутри.

Лектора звали Михаил Викторович. Он научно доказал в своей книге тот факт, что миллионы лет назад метеорит, убивший всё живое на планете, попал именно туда, где сейчас сходятся воедино две реки – Волга и Ока. Якобы, эта низина образовалась именно таким образом. А колыбелью жизни Нижний Новгород стал благодаря тому, что после падения метеорита, из недр Земли начала вытекать вода, которая заполнила моря и океаны. Как-то так.

Мы приземлились в аэропорту Томска поздно вечером, когда было уже темно. В составе группы был я, фотограф Илья, несколько солдат, две собаки, несколько сотрудников МЧС, а также какой-то важный полковник. Плюс гуманитарный груз. Перед отбытием в Сибирь, я подписал бумагу, в которой за хорошее вознаграждение согласился играть мэра Томска. Да, мне это тоже показалось странным, ведь у меня даже костюма нет. В случае разглашения чего бы то ни было из того, что мне предстоит увидеть, меня лишат не только обещанных денег, но и свободы по статье «Государственная измена». И никто об этом не узнает. Зачем я это подписал? Я до сих пор точно не знаю. С одной стороны, мне нужна была работа. С другой –

это был большой проект, частью которого мне хотелось стать. В третьих, меня рекомендовал Юра, так что мне не хотелось его подводить.

Когда я увидел томский аэропорт, я не поверил своим глазам. Он был частично разбомблен – здесь явно шли вооруженные бои. Вот только с кем? Я пока опасался задавать вопросы, но иногда подслушивал переговоры важных лиц. Так, я узнал, что полковника направляют на север области, чтобы он подавил сепаратистов у границы. В аэропорту был небольшой филиал армии – много машин, тяжелая техника, пулеметы, минометы, а также техника МЧС. Никакого гражданского населения я не заметил, зато на полу было много грязи и, почему-то, опилок.

Мы с фотографом Ильей быстро пошли за нашим провожатым по имени Михаил. Нас гнали вперед так, что я толком ничего не успел понять. Он посадил нас в «Газель» и отправил в гостиницу, где меня должен был встретить Юра. Мы ехали по улицам, мимо домов с выбитыми стеклами, со следами взрывов и пуль. На улицах не было никого – комендантский час, объяснил водитель. Периодически он доставал красный пропуск, чтобы нас пропустили через блокпосты. По его словам, здесь была война. Теперь она переместилась севернее, по крайней мере, один из ее очагов. Учитывая, что фотограф даже не пытался снимать, я понял, что нам кранты. В том смысле, что мы стали частью такого серьезного дела, что лучше держаться ниже радаров.

В гостинице сохранился какой-то персонал. Девушки с бегающими глазами проводили нас в наш номер – там было две кровати, кондиционер, небольшой балкон, какой-то куст в углу и неработающий телевизор. Как сказала администратор Лена с желтой ленточкой в косе, телевидение не работает, как и радио, и газеты – все каналы информации перекрыты. Зато есть горячая вода и электричество. Чайник – общий на этаж, стоит там же, где гладильная доска.

– А как там? В стране вообще? – спросила Лена.

– Все так же, – ответил я. Мне хотелось добавить «пьют и воруют», но момент был неподходящий. – Нормально.

– Скорей бы все это кончилось.

Мы заселились в наш номер на третьем этаже с видом на площадь. Я нашел Юру и Костю этажом ниже. Они курили на балконе. В углу заряжались аккумуляторы для камеры. Их было не узнать. Точнее, Юру. Костю я до этого особо и не знал, а вот Юра изменился. Вся его беззаботность и жизнерадостность улетучились, будто их высосали или содрали, как маску с лица. Он был хмур, молчалив, и много курил. Иногда его потряхивало. На нём был не по погоде теплый свитер с высоким воротом на молнии и тапочки. Он словно только что отыграл нехилый концерт на Грушинском фестивале.

– Прости, старик, – начал он. – Я им про тебя рассказал ещё в Москве, не думал, что тут вот так все получится. Я же не мог, когда понял, в чем дело, отсюда тебе позвонить, даже в интернет выйти не могу.

– Да ничего, – ответил я. – А что тут творится?

– Да я сам не знаю. Я когда вписался в это, думал лёгкий заработок, а тут вот война идет.

– Кто с кем?

– Местное население против армии. Вторая гражданская, короче.

– Брат на брата, – добавил оператор Костя, до этого и после этого, молчавший как истукан.

– А почему никто не в курсе?

– Вот так вот работают, вот почему, – он докурил и выбросил бычок в маленькую консервную банку из-под зеленого горошка. – Я слышал от режиссёра, что когда тут грянуло... все это, руководство страны приказало все отрезать: интернет, телевидение, радио. Никакой информации за границу не выпускать, пока всё не кончится.

– А из-за чего это?

– Я так понял, что местным надоело терпеть то, что все деньги уходят в Москву, и они решили отделиться от страны или организовать Республику с большей независимостью, чтобы нефтяные и газовые деньги здесь оставались. Они тут собрали товарищей, сначала митинги устраивали, а потом их начали в тюрьмы сажать, штрафы выписывать неподъемные, объявлять непатриотами, иностранными агентами, боролись с ними всеми доступными методами, пока они не взорвались – пошли на администрацию, на полицию, на всех. Такой бунт был, как в семнадцатом году. Наверху сказали, чтобы никакого раскола страны. Хотя на самом деле все из-за денег.

– Понятно. А мы тут зачем?

– Вот, формируем новости. Повестку дня, так сказать. Чтобы вся остальная страна думала, что здесь все отлично – коровы дают молоко, матери рожают, мужчины работают.

Илья тут был за фотографа местного информационного агентства, которым руководил некий Аркадий Максимович, «министр связи», как его в шутку тут называли, потому что у него одного был Интернет. Этот Аркадий в Москве был чьим-то пресс-секретарем, да видно хорошо справлялся со своей работой, амбициозный молодой человек, так сказать. Он здесь теперь за главного – руководит телестудией и информационным агентством. За это ему обещали свою медиагруппу в Москве по окончании операции – федеральный телеканал, информагентство, может газету или ещё какие бонусы. От него требуется работать так, будто здесь всё зашибись, только бы в кадр не попали обстрелянные дома, воронки от бомб, трупы и всё такое.

А я теперь мэр Томска по имени Евгений Кудряшов – член правящей партии, эффективный менеджер, хозяйственник, борец с коррупцией, лучший друг ветеранов и собак. И костюм мне уже купили – синий, дорогой. И я так понял, что имя и биографию – родился в Нижневартовске, окончил техникум, работал на заводе, затем стал директором своей фирмы, затем депутатом и так далее – мне придумали специалисты. Так что имя «Евгений Кудряшов», наверное, что-то значит. Или звучит равно просто и доверительно, чтобы так звали руководителя.

На следующий день мне выдали мой костюм и показали кабинет, в котором сразу же прошла моя первая фотосессия с Ильей. За спиной у меня висит фотография лидера страны и флаг России. На столе – какие-то важные бумаги, черная ручка, компьютер, а излучать я должен – по словам Ильи – уверенность, стабильность и честность. Я позирую в костюме почти час, пока Илья возится со светом и набирает кадров для разных новостей или страниц в интернете, где я должен присутствовать, например, в Википедии. Он теперь будет ходить за мной на официальные мероприятия, как и Юра с Костей. Мне также нашли некоторую свиту – я буду ходить с охранником, который будет мелькать на заднем плане с серьезным лицом, а если что говорить «Евгения Семеновича прошу не беспокоить».

Я буду встречаться с фермерами, врачами, учителями, ветеранами, которые будут либо актёрами, либо настоящими людьми, работающими добровольно или за щедрое вознаграждение. Теперь я важный человек, по крайней мере, в местной прессе. Вот только мое лицо отныне будет и на федеральных каналах, чего я всегда старался избегать. Ладно, меня так хорошо одели и причесали, что никто не узнает, даже бывшие одноклассники. Один только Аркадий Максимович обращается со мной как с куклой Барби или с неодушевленным предметом, который он может наряжать и двигать, как захочет. Но если не обращать на него внимания, а также на то, что в любой момент может начаться артобстрел или мятеж, то работать здесь вполне терпимо.

Хоть я и являюсь мэром, я все равно вхожу в пул журналистов. Нам выделили этаж в здании бывшей телекомпании. Сейчас здесь пусто, никто даже толком не убрался. Какую-то офисную технику забрали с собой журналисты перед закрытием, что-то расхватили мародеры. Так что наш технический директор Иван, большой такой мужик, все поставил и наладил практически с нуля. Главное, он оборудовал эфирную студию, а также комнату для монтажа, где у нас сидит Валерия, режиссёр и монтажер из Москвы – низкого роста, шатенка, в левом ухе

сразу несколько колец, работает быстро, но основательно, лишних вопросов не задает, скучает только по интернету и нормальному кофе.

Так как новости мы делаем не для внутреннего рынка, а для федеральных каналов в Москве, нам не нужно делать ничего, кроме 1–2 выпусков новостей в неделю, что нам вполне по силам. Нам также достали чайник и микроволновую печь. Когда все на выезде, Лера может сидеть в целом здании одна в окружении чьих-то фотографий на стенах и перегородках между рабочими местами. По рабочим столам можно сказать, кто на них сидел: девушка-кошатница, парень-автомобилист или девушка-тусовщица.

Как мне объяснил Юра, Аркадий Максимович занимается исключительно пиаром. Военную операцию возглавляет генерал Тимофей Денцов и его штаб, а главным в городе (неформально) является некий Матвей Александрович. Никто точно не знает, откуда он взялся.

– Я не уверен, что у него есть настоящее имя или даже родители, – сказал про него Юра. – Так что он, скорее всего, из ФСБ. Другого руководителя в городе нет. Ну, конечно, можно выбить себе кое-что у военных, но реально всем тут заведует Матвей Александрович, а его лучше не злить. У него здесь абсолютная власть, так что он без суда и следствия может расстрелять тебя на главной площади, и никто ему и слова не скажет. Плюс есть ещё отряд «Русские витязи» – это острие меча нашей армии. Командует им человек с позывным «Монарх». Судя по описанию, он всё время ходит в темных очках, носит бороду и маленький нательный крестик в виде автомата Калашникова на серебряной цепочке.

Этой же ночью мне приснился сон. В нём я был одновременно действующим лицом и наблюдателем. Я снова жил в каком-то фантастическом мире, где действовали свои законы. Главным законом было правило «Жизнь за жизнь». В нашем УК или Конституции, точно не могу сказать, было прописано, что если человек хочет отнять жизнь, он должен дать жизнь. Так, если женщина решилась на аборт, она сначала должна спасти кому-то жизнь или создать ее. Она могла родить одного ребенка, чтобы иметь право убить следующего. Или же пожертвовать орган для кого-нибудь больного, например, отдать почку. То же самое касалось и преступников. Если кто-то совершил убийство, он должен был возместить ущерб, создав жизнь. Это можно было сделать разными способами, включая донорство органов или семенной материал. С третьей стороны были те, кто создал жизни больше, чем другие. Например, пожарный, спасший человека, мог совершить убийство. Это было как бы законно. И людей, которые спасли много жизней, все уважали и даже хотели выкупить у них право лишиться кого-нибудь жизни, но закон это запрещал, зато такие люди могли стать киллерами. Только вот им пришлось бы доказывать то, что убийство было их личной целью, а не заказом, иначе плохо было бы всем. Короче, я не до конца досмотрел сон, но понял эти простые правила – если отнимаешь жизнь, тогда должен возместить жизнь.

Глава 8: Пенсионный фонд России

Аркадий Максимович нанял ещё девушку, специалиста по SMM, которая сидела в Москве. Я так понял, что в основном она работала интернет-ботом, а также принимала участие в нашем проекте, создавая профили в социальных сетях и какое-то подобие жизни. А наш дружный коллектив отправился на первую съемку – и сразу в Пенсионный фонд. Как я уже говорил, Евгений Кудряшов – лучший друг собак и пенсионеров, а так как с собаками тут не густо, мы пошли по самому активному электорату, словно у нас скоро выборы. Но ведь нам и нужно было создавать впечатление, что у нас самые обычные новости. А это значит, что нужно одновременно работать и делать вид, что работаешь, и ходить туда, куда все ждут, чтобы ты сходил, иначе могут заподозрить, что ты не настоящий чиновник. Если граждане увидят, что я реально что-то делаю или делаю что-то слишком усердно или правдоподобно, они могут это неправильно понять, а нам нужно было работать, но не слишком, иначе подозрительно.

Директор местного отделения ПФР готов был сотрудничать. Ему и семьям его детей сохранили квартиры, а также предоставили некоторые поблажки. Александр Викторович на вид был словно мумия в твидовом пиджаке. Он был очень худым, казалось, что он и руку мне протягивал с трудом. Но не потому, что я был ему противен (хотя этот вариант я тоже не исключаю), а потому что сил не хватало ее нормально поднять. Его кабинет был обставлен так, как я себе это и представлял – старые советские стены, много мебели из ДСП, шкаф с подарочными сервизами, какие-то несущественные грамоты, отдельный стеллаж с рабочими документами, портреты вождей, ковер и длинный стол для совещаний. В воздухе витал запах Советского Союза, который усиливался, когда ты шел по коридору, внутри которого гулом разлетался звук твоих шагов, словно в старом кино. Не хватало только печатных машинок на столах и кудрявых машинисток, без них ощущение было неполным.

По дороге до Пенсионного фонда я изучал пресс-релиз и свою речь. Мне предстояло сказать несколько слов в рамках пресс-подхода. Забегая вперед скажу, что кроме нашей камеры там никого не было, но Илью попросили подержать какой-то неработающий диктофон, чтобы казалось, будто там несколько журналистов. Информационный повод был выбран самый лучший – повышение пенсий. Согласно релизу, кроме индексации пенсий на инфляцию, правительство добавило ещё по 448 рублей пенсионерам-инвалидам и 224 рубля работающим пенсионерам. Я должен был сказать, что это отличная новость, что наши пенсионеры ни в чем не нуждаются, что уровень жизни растёт, что сегодня пенсионеры получают столько, что могут без ущерба для себя помогать своим работающим внукам или ездить на отдых за границу. На мой взгляд, текст был не очень и явно написан каким-то хипстером в Москве, но я пока не знал, насколько я могу вмешиваться в процесс и спорить с Аркадием Максимовичем. Поэтому я просто все заучил. Также нам предстояло снять несколько планов того, как мы сидим за столом и приятно общаемся. Изначально думали ещё пару пенсионеров опросить на улице, но с этим было столько сложностей, что они не стали заморачиваться.

Мы сели друг напротив друга, как и положено в таких случаях. Юра велел нам улыбаться, но так, чтобы обстановка казалась дружественно-рабочей. Александр Викторович заметно нервничал, все время запинался, не знал, куда ему деваться, отвлекался, извинялся, снова запинался. Юра как мог его успокаивал, но от этого становилось только хуже.

– Хорошо, – говорил Юра. – 20 секунд поговорите о пенсиях, что-то рабочее, как вы всегда делали, вы же этим давно занимаетесь.

Через пару неудачных дублей, Юра предложил такой вариант.

– Ладно, вы не уходите со своих мест, а мы с оператором сейчас отойдем в сторону, нам надо кое-что обсудить.

На самом деле Юра оставил камеру включенной, так что я спросил у Александра Викторовича, какие пенсии здесь были раньше, как он тут руководил. Александр Викторович рассказал мне немного о своей работе, заметно ожил, расслабился. Потом Юра набрал достаточно материала, а затем был пресс-подход. Викторович уже немного отошел, так что 20 секунд наговорил. Я с улыбкой от уха до уха рассказал о повышении пенсий. Мне понравился такой стиль. Меня слушали, меня уважали. По крайней мере в моем воображении.

По дороге на телестудию, мы увидели несколько трупов прямо на дороге. Там было двое мужчин, кажется, и одна женщина.

– А полиции у нас нет?

– Есть, – ответил Юра. – Это они и сделали, скорее всего.

– За что?

– Не знаю, видимо, что-то нарушили. Может, пытались уехать, но их поймали, привели на площадь, и вот.

– А это законно?

– Легитимно, – отрезал Юра.

Валерия отлично смонтировала наш разговор с Викторовичем с архивными съемками каких-то довольных пенсионеров. Плюс ещё общие виды улиц города, по которому гуляют люди с детьми, и готов наш сюжет. Юра начитал закадровый текст, получился сюжет на 1:57 для вечернего выпуска по первому каналу. Это был немного волшебный момент – все словно замерли, затаив дыхание, будто мы прошли точку невозврата. В такой судьбоносный момент, будь то объявление о начале Второй Мировой войны или смерть важного человека, каждый должен запомнить, что он делал в ту минуту. Я, например, сидел на табуретке у маленького стола с микроволновкой и чайником, попивая растворимый кофе из пластикового стаканчика.

Запись отдали на флэшке Аркадию, чтобы он по своим каналам передал это в Москву. Он сам, конечно же, тоже отсмотрел материал и остался доволен. Только меня пожурил за то, что «выгляжу не солидно». Он пояснил, что я держусь не как начальник. И что тут удивительного? Мне надо ещё работать в этом направлении. Буду иногда давать указания. Хотя кому? Ладно, сам разберусь. Критиковать может каждый.

Ночью я не мог уснуть, а когда все же сон пришел, раздались взрывы. Здание немного потрясло, но ничего страшного не случилось. Я в трусах выбежал в коридор, где носились другие постояльцы, а также Лена, которая всем говорила лечь на пол у несущей стены. Я решил ей немного помочь, направился к ней, но меня снес какой-то толстый мужчина, наспех надевающий брюки на свои волосатые ноги. Потом взрывы прекратились. Все начали вставать с пола, я тоже.

Некоторые из нас вышли на улицу, чтобы посмотреть, что это было, хотя идея была так себе. Я решил посмотреть на все с балкона и увидел несколько горящих зданий. Как потом оказалось, сепаратисты завладели гаубицей, или чем-то таким, и нанесли удар по военной базе. Для военных это был укол, но зато в сердце. Однако, нашу обстановку это только усугубило. Денцов приказал усилить оборону города. Матвей Александрович увеличил число патрулей и арестов. Люди пропадали буквально с улиц. В такой обстановке, Аркадий выбил нам ещё бюджет, мотивируя это тем, что нам нужны альтернативные сюжеты – о войне. Его идею изначально не поддержали, но если ситуация вышла бы из-под контроля, то надо было оперативно на нее реагировать. И тогда были бы нужны сюжеты, в которых зрители четко бы увидели, кто враг и фашист, а кто освободитель и спаситель. Москва выделила деньги на вторую съемочную группу, но Аркадий решил справляться пока своими силами, хотя деньги лишними не были.

Юра в одночасье стал военным корреспондентом, работающим в мирной и военной редакциях. Каждые два дня мы должны были снимать обычные сюжеты, а раз в неделю – военные. Первые шли в эфир, вторые – в архив.

Первым делом Аркадий разработал таблицу, из которой было ясно, кто и с кем воюет. На стороне сепаратистов, или как их просто называли «сепаратов», были сплошь местные зеки, воры, оппозиционеры, либерасты, педофилы, аферисты и другие представители «пятой колонны». Для удобства их всех окрестили «сепараты», чтобы обезличить и выработать к ним ненависть, не привязанную к конкретным личностям. Против них были герои, мужественные мужчины, парни из простых семей, добрые и сердечные люди, которые не допустят насилия и фашизма. Последнее слово Аркадий употреблял часто, видимо, научился у кого-то.

Юре было поручено снять «внешку» – разрушенные сепаратами дома, убитых гражданских, изнасилованных детей (а Аркадий точно в прошлой жизни не был сценаристом?), окопы, воронки и пулевые отверстия. Илья должен был тоже самое сфотографировать, да так, чтобы потом ещё World Press за это получить.

У Аркадия на летучке был явный энергетический и творческий подъём, словно раньше его чем-то ограничивали, а вот теперь он делает то, к чему давно готовился. Девушка-SMM, она же Катя, должна была создать несколько десятков аккаунтов с полным набором друзей и фотографий, которые потом выступали бы против сепаратов, репостили новости про наши победы, выступали бы против сепаратизма вообще и фашизма в частности.

Вот только была одна проблема – у Аркадия не было главного злодея. В нашем случае это было не так важно, тут сама война и сепаратизм выступали достаточными злодеями, но для драматургии не хватало персонифицированного зла, которое Аркадий возжелал найти или выдумать. Он обязательно должен был быть фашистом, атеистом и гомосексуалистом. Тут же Илье поручили фотопроjekt «Разрушенные церкви Сибири» про церкви, которые приказал разрушить или взорвать наш пока ещё не существующий злодей.

– А мне что делать? – спросил я.

– Ты мэр.

– Нет. Я мэр, если нет войны. Какой может быть мэр на войне? Это же другой сценарий. Тогда нам целый кабинет чиновников нужен. В мирное время один мэр может ходить туда сюда. А в военное время всем руководят генералы, штаб, Москва. Допустим, все откроется, и нам понадобится план Б – что будет с Евгением Кудряшовым?

– Я подумаю. Возможно, мы его оставим. Но надо прикинуть, что делает мэр на войне.

– Надо подумать.

Кажется, я отвлек Аркадия от действительно важных задумок своей жалкой персоной, но события принимали неожиданный оборот. Мы даже ещё на ноги не встали, а нам уже подбрасывают такие вызовы, с которыми ВВС бы не справились.

Глава 9: Генеральская дача

Я сижу на каком-то пеньке посреди поля, хочу закурить, но вспоминаю, что не курю. Я думаю о том, как давно здесь шли бои. Я вижу несколько воронок от мин, брошенные на дороге искореженные машины с разбитыми стеклами, словно в фильме про зомби-апокалипсис. И посреди этого как бы естественного пейзажа, стоит съемочная группа нашего телеканала. Словно инопланетяне высадились на поле и стали снимать шоу о своем приземлении. Только вот прилетели они аккуратно под зомби-апокалипсис. Плохой сценарий для фильма.

Аркадий лично руководил съемками, попутно набрасывая что-то в своем планшете или играя там в игры. Юра брал интервью у местной жительницы, которая сбежала от ужасов войны. Ее Аркадий нашел в местном театре, который, по понятным причинам, уже закрылся. В первый раз, когда оператор Костя начал съемку, она очень уж переигрывала, словно ее только что пытались изнасиловать сепараты. Даже Юра смекнул, что это перебор и уговорил ее умерить энтузиазм. Актриса, а ее кажется звали Юлия, настроилась и сократила старания вдвое.

– Ой, они пришли, разграбили все магазины, запретили людям выходить на улицу, а тех, кто выходил, убивали на месте, дома сжигали. Я взяла в охапку детей и сбежала, чтобы просить помощи у армии. У меня мама – инвалид, пришлось её пока оставить, но я за ней вернусь, если они её не затравят газом.

И это была ещё умеренная версия её речи! Я уже говорил, что видел людей, которые слишком стараются. Как та актриса, которая играла на митингах. И эта в поле тоже актриса. Может, это одна и та же? Надо бы запомнить ее лицо. Затем наши ребята сняли внешку, а потом мы погрузились в «Газель» и отправились в расположение нашей армии.

Командующий войсками генерал Денцов в съемках участия не принимал. Нас встретил сержант Попов, который проводил нас в палатку, где нас ждал Матвей Александрович. Я до этого о нём только слышал, а вот теперь на секунду увидел. Прежде чем выставил из палатки всех, кроме Аркадия, я успел заметить, что он был гладко выбрит, носил черную рубашку с красным галстуком, зачесывал волосы назад, постукивал ручкой по столу и смотрел на всех исподлобья. Я так понял, что между ним и Аркадием были некоторые противоречия. Ему не нравилось, что Аркадий получает поддержку из Москвы в обход его интересов. Их сферы влияния были различны, но Матвей был из тех, кто предпочитал держать все под личным кон-

тролем. И когда Аркадий звонил в Москву, выпрашивая что-нибудь для нашего дела, а потом Матвей узнавал, что он должен содействовать Аркадию, то очень злился.

Мы с Юрой, Костей и Ильей присели на какие-то ящики с угрожающими надписями. На секунду мне захотелось стукнуть по ним молотком или чем-то таким, чтобы раздался большой взрыв и нас разнесло, как в мультфильме. Юра и Костя тут же взялись курить, Илья просматривал на экране фотоаппарата снимки, сделанные на поле брани. А я смотрел, как лысенькие солдатики перетаскиваются какие-то ящики, мешки и вообще все, что прикажут. Лица у них были несчастные. Я представил себе, что где-то в небе летает дрон, который смотрит на нас беспристрастно, но может убить в любой момент, если ему что-то не понравится. Прямо как...

Аркадий вышел из палатки изрядно на нервах. Раунд закончился либо победой Матвея, либо ничьей. В этот момент я понял, как мне получить роль, которую я заслуживаю.

– Как прошло, – спросил я, заранее прогнозируя ответ по лицу Аркадия.

Нам разрешили снимать, выделяют пару ребят, которые, правда, ещё не были в бою, но мы с ними поработаем, текст разучим, и нормально будет.

– А что вам сказали?

– Ничего не сказали, я со всем разберусь.

Аркадий отошел в сторону, а я за ним. Встал рядом и говорю:

– Да что он понимает в нашем деле. Вы это все организовали так, как он бы не смог. Вот он и быкует.

– Точно. У нас есть все права быть здесь, так что его слово тут не главное. Он сам всего лишь функционер, так что если ему скажут – он сделает.

– Давайте за работу?

– Ага.

Конечно, это была прямая лесть, но я не собирался вставать с ним на одну ступень, мне нужно было держаться на одну ступень ниже. Это достаточно доверительная ступень, сохраняющая рабочие отношения. А кто не любит небольшую лесть, когда он трудится и добивается результатов? Всем приятна маленькая похвала. Аркадия некому было похвалить сверху, как ему бы хотелось, поэтому он вынужден был общаться с нами.

Мы встали на краю базы, спиной к туалетам, поэтому некоторые бойцы, прежде чем зайти по нужде, десять раз оглядывались на нас и нашу камеру, не снимаем ли мы их. Нам выделили какого-то парня, который быстро доложил об успехах пехоты и достаточном количестве единиц техники. Мне было очень скучно, потому что я весь день не участвовал ни в чем. Один раз помог штатив понести, но это не великий повод для гордости. Скорей бы мы разделались с этим сюжетом, отправили бы его в архив Аркадия, а затем взялись бы за репортаж про работу мэра.

Едва я начал скучать, как к нашей съемочной группе подошел лысенький солдатик в очках, который уведомил нас, что генерал Денцов очень занят, но хочет пригласить нас к нему в гости. Явиться положено в семь часов вечера по такому-то адресу. Приглашена вся съемочная группа. Юра, в отсутствие Аркадия, вышел вперед и любезно принял приглашение. Молодой человек, похожий на хоббита, быстро удалился. Юра только развёл руками.

– Если генерал зовёт, то по-любому придется идти. Может, он просто познакомиться хочет.

Вечером того же дня мы явились в дом к Денцову. Это был частный дом, который охранял военный караул с собаками – немецкими овчарками. Нас всех тщательно обыскали перед высоким синим забором, а затем пустили на территорию, равную, пожалуй, футбольному полю. У генерала здесь был свой дом (хотя свой или не свой никто не спрашивал) с прогулочными дорожками, прудом, беседками и детским городком. Мы были не одни – у Денцова была довольно веселая вечеринка, на которую пришло, по моим скромным подсчетам, примерно 30 человек.

Хоббита звали Денис Лобный, он был личным адъютантом у генерала. К нему здесь относились как к секретарше, разве что за задницу не шупали. Зато каждый важный человек считал своим долгом что-нибудь ему поручить, а затем отругать за плохо выполненную работу или неумение работать вообще. Денис проводил нас в беседку, где жарили шашлыки. Стол был уже накрыт – водка, вино, соленые томаты и зелень, много хлеба, кетчуп, вареная картошка и так далее. От вида этих яств у нас всех мгновенно потекли слюнки. Юра, Ваня и Костя тут же хлопнули по стопке. Ваня закусывал зеленым луком, Юра и Костя запивали томатным соком. Я пока воздерживался, меня куда больше привлек лаваш, в который можно было завернуть шашлык. Валерия попросила Юру налить ей вина. Кажется, они очень быстро расслабились и обрадовались возможности отдохнуть. Я же наоборот, напрягся. Аркадия я не видел. Молча поедая шашлык, я мысленно готовился взять ещё, пока дают, но тут пришел хозяин дома. Он был уже хорошенько пьян, а значит исключительно общителен, щедр и любвеобилен. В этот вечер он любил всех, кроме тех, кто не пьет. Поэтому его первым боевым заданием стало напоить меня как можно быстрее. Я поначалу отказывался, но под давлением коллектива все же дал слабину и выпил водки.

– Мэр-пьяница!

Генерал рассмеялся и с чувством выполненного долга прилип к Юре. Выяснилось, что ему очень импонируют журналисты (наверное только те, кто на его стороне). Он считал нас (а ему незачем было объяснять тонкости нашей организации) кем-то вроде интеллигенции, поэтов или артистов. Видимо, генерал очень много общался с людьми себе под стать – военными, чиновниками и бизнесменами. Мы же для него были как глоток свежего воздуха, как возможность прикоснуться к прекрасному и творческому. Поэтому сегодня он нас очень любил. Он расспрашивал Юру о его работе, положив ладонь с короткими пухлыми пальцами ему на плечо, потом приставал к Валерии, подливая ей вина. А когда она отказывалась, предлагал ей перейти на шампанское или продолжить в бане. Валерия мастерски отбивала его тонкие ухаживания, но от вина она стала сильно шумной, поэтому когда Денцов предложил ей пойти танцевать, она незамедлительно согласилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.